

Русский

Беседа с народным артистом
России Эдуардом МАРЦЕВИЧЕМ

— С первых шагов на сцене я почувствовал к себе интерес и внимание людей. Не моя это заслуга: такова была общественная атмосфера. Каждый молодой художник, едва заявив о себе, сразу попадал в круг общественного внимания. Вспоминаю такой «житейский» эпизод: моя бабушка, Праксovia Павловна Сарапкина, проездом из Грозного в Ригу попала в Москву. Времени от поезда к поезду у бабушки было в обрез. Но ей очень хотелось со мной повидаться. И на Рижском вокзале, узнав, что до посадки еще два часа, она достала журнал «Смена», в котором был напечатан мой портрет в роли Гамлета, и подошла к милиционеру. Тот ответил, что знает такого актера, и вызвался ей помочь. В Театре Маяковского у меня как раз шла репетиция. По такому случаю меня отпустили. И когда я приехал на вокзал, бабушка находилась в окружении публики и рассказывала мою биографию. А ей из публики рассказывали, как я играю Гамлета...

Вспомнил я этот эпизод, потому что он красноречиво говорит о том, какое место занимал театр в нашем обществе совсем в недавнее время: всякое художественное явление становилось общим достоянием. И кинематограф действительно был самым массовым народным искусством. Но и театр чрезвычайно много значил для самой широкой публики: театральные премьеры становились фактором общественной жизни. Театральные залы не вмещали всех желающих — потому и возникали филиалы. Точно так же переполнены были залы выставочные, читальные. Я не так уж сильно идеализирую время своей молодости: оно действительно было добрым, умным, творческим. Развитие искусства задавало жизненный тонус обществу. И действовала обратная связь. Теперь же эта связь, к сожалению, во многом

Помнится май 1986 года — мы обошли весь театр, постояли в Ермоловском фойе, вышли на сцену. Говорили о предстоявшей в недалеком будущем реконструкции старинного здания Малого театра. А на душе лежал камень: Чернобыль! Как-то пойдет теперь долгожданная реконструкция, уложатся ли в срок строители? Не останутся ли актеры прославленного Малого театра на долгие годы без крова?

Слава Богу, обошлось. Малый театр восстал по всей своей первоначальной красоте: постарались строители, успели возвести театр еще до развала страны, до краха рубля. И актеры вернулись на сцену, зрители вернулись в зал.

Если сегодня еще где-то и говорят о театре, то говорят о постановке в Малом

разрушена с помощью кино и телевидения, предельно далеких от сегодняшней жизни, от насущных запросов и интересов. Но изжить эту связь, на мой взгляд, никому и никогда не удастся: есть русский театр с его богатейшим репертуаром. Театр, не мыслимый без Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Островского, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Чехова, Толстого...

— Сегодня русский театр в сущности — оппозиция. С его идеалами добра и справедливости. С его уважением к личности. Со стремлением воздействовать непосредственно на живую душу зрителя.

— Приход в Малый был для меня, конечно, не случаен. И дело не в том, что своим умением я обязан был школе Малого театра. А скорее всего театр, не подвластный веяниям моды, занял особое место в моей душе. Великолепный русский язык был подлинным героем сцены. Язык такой музыкальности, такой сочности и выразительности, что уже сам по себе давал глубокое эстетическое наслаждение, настраивал на высокий лад, очищал душу. Помню, как еще студентом я смотрел толстовскую «Власть тьмы», словно бы заново открываю для театра режиссером Б. Равенских. Работа Иго-

ря Владимировича Ильинского, сыгравшего Акима, стала для меня настоящим откровением: я впервые почувствовал, что язык, наш язык — самодостаточен, что его богатство властно побуждает к большим раздумьям как по сути искусства, так и по сути самой жизни.

Помню один из первых вопросов, заставивших в душу: «Почему народ, которому дано такое богатство, как наш удивительный язык, оказался во власти тьмы?». В ту пору я и допустить не мог, что когда-нибудь в Москве люди начнут убивать прямо на улицах среди бела дня. И народ, давший миру Толстого, безропотно позволит свергнуть себя в еще более крошечную тьму. Деньги стали безраздельно творить зло, заставляют человека терять божеский облик. А что помогает смягчить злобную силу денег? Просвещение, которое всегда шло рука об руку с нравственностью. Там, где нет просвещения, даже доброго по своей природе, умного человека засасывает мелочная и низкая среда. А что собой представляет среда, где все подчинено поискам денег и накопительству, мы теперь знаем, увя, не только по пьесам Островского.

— значит соборный

спектакля «Воли и овцы» Островского. Эдуард Марцевич играет Лыньева. Какой же это неожиданный, парадоксальный Лыньев — беспойный лентяй, скупающий насмешки, неосторожный умница и правдолюб. Зал отдаст свои симпатии этому Лыньеву за то, что он единственный, кто обнаруживает неподдельные человеческие чувства. Какая нужда в них сегодня! Когда-то были блестящие роли в кино. Сегодня Марцевич — весь в театре, и это русский классический репертуар: царь Федор в «Царе Федоре Иоанновиче» Ал. Толстого, Шуйский в «Царе Борисе» тоже Ал. Толстого, князь в «Дядюшкином сне» по повести Ф. Достоевского. Совсем не случайно и то, что сказала одна зрительница в порыве благодарности: «Марцевич — это наше достоинство». Действительно, каждый актер такого класса — поистине национальное богатство. Но чувствует ли он в это трудное и жестокое время эту зрительскую заинтересованность, побуждающую актера к самосовершенствованию и к самоотдаче?

Удивительно, как современно сегодня творчество этого выдающегося драматурга. Я поставил в Малом театре пьесу «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Несколькими лет идет этот спектакль, а интерес к нему все нарастает и у зрителей, и у самих исполнителей. Спектакль получилась злободневным — персонажи насквозь узнаваемые. В зале Малого театра теперь много молодежи — прежде скорбь народная до нее бы не дошла, а ныне доходит. Теперь даже дети понимают, что такое бедность. Бедность — это когда не на что купить молока, а порой и хлеба. Вот он, театр, во всей его правде, во всей силе. На мой взгляд, эта правда возможна лишь в реалистическом спектакле. Конечно, ставят Островского и «модернисты», и так называемые «новаторы». Еще бы: какие характеры, какие положения, какая «жгучая смесь» комедийного и трагического! Но мне всегда был дорог подлинный Островский — реалист, который не нуждается в режиссерских ухищрениях, каких-нибудь выкрутасов, называемых то ли «мюзикл», то ли «шоу». Без атмосферы подлинной жизни Островский не прозвучит в полной мере. В наше время театру

выпала высокая миссия — противостоять всемерно насаждаемой безнравственности. Хочется верить, что эту миссию он исполнит.

— Мы говорим о русском театре как о явлении исключительном. Но русский театр — это часть мировой культуры. Она питала его, и он ей многим обязан. Можно ли говорить об особой миссии русского театра?

— Я ни в коем случае не стремлюсь противопоставлять наш театр европейскому. Моим учителем был выдающийся литовский режиссер Юозас Мильтинис. А он, в свою очередь, учился у француза Шарля Дюлена, дружил с Жаном-Луи Барро и Жаном Вилларом.

Когда Мильтинис узнал о страшной резне в Индонезии, он сказал: «Иногда мне начинает казаться, что нужно невероятное количество ведущих вверх ступеней, чтобы поднять человека к цивилизации. Как быстро он иногда падает назад, как внезапно в нем пробуждается зверь!.. Вот зачем нужен театр — чтобы не было таких человеческих падений...». Это голос художника-гуманиста, принадлежащего и своей стране, и всему миру.

Конечно, русское театральное искусство неразрывно связано корнями со всей мировой культурой — отсюда и общность идеалов. Но точно так же, как у России — и в этом я глубоко убежден — есть своя миссия в деле цивилизации, так и у русского театра есть свое особое назначение. Я бы назвал русский театр соборным. Каждый спектакль — это как бы общее радение, с которого люди уходят, приобщившись совместно к высокому строю мыслей и чувств. Разве не соборность соединила актеров Московского художественного общедоступного театра и зрителей в одно великое братство? Художественный театр — это настоящий храм. А ведь предтечей искусства Художественного театра был Малый. Такое чудо возможно было только в России.

С такими мыслями я готовлюсь приступить к постановке одного из самых высоких произведений русской лите-

ратуры — к инсценировке романа Л. Толстого «Воскресение». Те противоречия, которые обнажил писатель с чудовищной силой выступают сегодня. Роман написан не ради того, чтобы рассказать частную историю взаимоотношений двух людей из разных слоев общества — история эта послужила только поводом, чтобы нарисовать поистине энциклопедическую картину русской жизни. И потому я не вижу в нем главных и второстепенных героев. Я представляю себе спектакль ансамблевый. И чтобы воспринять такой спектакль, нужна именно та соборность, которая превращает публику и сцену в единый организм.

— Вы возлагаете большие надежды на зрителя, который приходит в театр в поисках смысла жизни, в поисках истины. Откуда такая уверенность, что зритель непременно поймет вас и поддержит?

— Эту уверенность дает сам зритель — те горячие токи, которые идут из зала на сцену. Я очень рад, что у Малого театра есть свой зритель, — теперь это можно сказать совершенно определенно. Зал так и дышит заинтересованностью и доброжелательностью. Тишина, точные реакции на смысл текста — все это говорит о том, что к нам пришел зритель ищущий, думающий, серьезный.

И я мечтаю поставить для них спектакль о том поколении, которое выиграло войну. О той прекрасной молодежи, которая прямо со школьной скамьи уходила на фронт, о ее преданности Родине, своим идеалам. Интересный материал для такой постановки дает забытая пьеса Леонида Малюгина «Старые друзья». Без чувства единения, общности мы не поднимем театр на новую высоту. А иначе как спасти его от разрушителей? Только в союзе со зрителем театр может сегодня выстоять. Сейчас надо отдавать театру все силы ума и души. Театр — наша общая сокровищница.

Беседу вел
Лариса ЯГУНKOBA.

Едуард Марцевич